

УДК 34.09

DOI: 10.34670/AR.2026.79.39.030

**Публично-правовые пределы регулирования субъективного
волеизъявления в условиях цифровой трансформации
государственного управления**

Корбат Лев Анатольевич

Аспирант,
сектор информационного права
Института государства и права,
Российская академия наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: nicegoodfela@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется изменение субъективного волеизъявления субъекта информационных общественных отношений в условиях цифровой трансформации системы государственного управления Российской Федерации. Цифровизация, выступая в роли всеобщего явления, а значит являясь бесспорным фактором изменений в современном обществе, оказывает существенное влияние в том числе и на право, включая переосмысление категорий субъектности и правового поведения. Исследование носит во многом теоретико-методологический характер и основано на анализе фундаментальных работ в области общей теории права, административного, и информационного права. Для разработки и актуализации работы по цифровой трансформации как основы информационного права применялись общенаучные методы (индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия, конкретизация, обобщение, постановка проблемы и решение её с учетом научных фактов) и диалектические методы познания. В рамках данного исследования использованы также частнонаучные методы научного познания социально-правовых явлений и процессов, (формально-юридический метод, философско-юридический метод, метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой метод, технико-юридический метод). Также был проведен анализ нормативно-правовых актов в исследуемой сфере. Значимость дальнейшей работы над публично-правовыми пределами регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации государственного управления видится существенной, в том числе из-за того, что те новации, которые вносит в данную тему цифровая трансформация исследованы пока недостаточно. Публично-правовые пределы регулирования предлагается определять не через объем государственного воздействия на поведение субъекта, а через допустимые границы нормативного конструирования цифровой среды, внутри которой происходит формирование и реализация юридически значимого волеизъявления. Проведенное исследование подтверждает необходимость совершенствования публично-правового регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации, направленного на повышение эффективности правоприменительной деятельности в исследуемой сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Корбат Л.А. Публично-правовые пределы регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации государственного управления // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 268-281. DOI: 10.34670/AR.2026.79.39.030

Ключевые слова

Цифровая трансформация, публично-правовое регулирование, государственные информационные системы, волеизъявление, цифровые платформы.

Введение

Цифровая трансформация преодолевает и изменяет границы отраслей и институтов, выступая общесоциальной инфраструктурой способной корректировать поведение и волю участников публичных общественных отношений. При этом, функционал государственных цифровых платформ не отменяет автономию субъектов публичных общественных отношений как таковую, но ограничивает правореализацию и правомочие. Он не лишает субъекта информационных общественных отношений свободы воли как таковой, но фактически может сформировать условия, при которых её выражение становится невозможным т.е. привести к нарушению права.

Цель статьи – выявление пределов допустимого воздействия на процессы формирования и реализации волеизъявления в публичных общественных отношениях в условиях цифровой трансформации, а также обоснование необходимости создания правовых гарантий прозрачности и подотчетности государственных цифровых платформ

По мнению группы авторов, Т.А. Поляковой, А.В. Минбалеева и Н.В. Кротковой, «новый этап развития глобального информационного общества, связанный со становлением "цифровой цивилизации", требует юридического осмысления общественных отношений, субъектов и объектов, проблем их взаимодействия в цифровой среде, аутентификации и идентификации, информационной инфраструктуры и т.д.» [Полякова, Минбалеев, Кроткова, 2020, с. 81].

Участие субъектов в общественных отношениях, опосредованных цифровой трансформацией, предопределяет изменение их правовой природы. Речь идет о взаимодействиях, выстроенных на основе заранее заданных цифровых сценариев (алгоритмов), в рамках которых субъект одновременно функционирует в физическом и цифровом пространствах. Это обстоятельство формирует новое онтологическое понимание субъекта права.

В условиях цифровой трансформации возникла ситуация, способствующая размыванию границы между цифровой репрезентацией субъекта общественных отношений и им самим непосредственно, современное российское право продолжает разграничивать субъекта публично-правовых общественных отношений и его внешнее выражение в цифровой форме. Ограниченный функционал цифровых платформ, по своей сути, задает пределы допустимого поведения, и тем самым трансформирует классическое представление об автономии воли. В результате субъективное волеизъявление в информационных общественных отношениях приобретает опосредованный, цифровой трансформацией, характер.

Таким образом, наметился вектор работы по научному осмыслению цифровой

трансформации, что является ключевым фактором для развития отечественного законодательства в области регулирования цифровой трансформации.

Основное содержание

Развитие информационных общественных отношений в условиях цифровой трансформации сопровождается возникновением противоречий между государственной политикой по расширению использования цифровых инструментов и необходимостью обеспечения надлежащего уровня правовой защиты личности [Рыжов, 2018, с. 9]. Это уже находит своё внешнее нормативно-правовое воплощение в принятии «Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на период 2017–2030 годов» [Указ Президента РФ № 203, 2017].

По мере накопления и обработки сведений о действиях физического лица в государственных информационных системах, формируется его цифровой профиль поведения, который становится основой для принятия различных юридически значимых решений и регулирования взаимодействия участников информационных публичных общественных отношений. В подобных условиях традиционные частноправовые механизмы, основанные на автономии воли и свободе усмотрения участников, не способны в полной мере обеспечить справедливое соотношение интересов субъектов информационных правоотношений. Это обусловлено тем, что объем, способы и цели использования цифровых данных во многом определяются владельцами информационных систем и цифровых платформ, тогда как физическое лицо зачастую лишено возможности реально влиять на порядок обработки данных о своем поведении.

Комплексный характер информационных общественных отношений в условиях цифровизации обуславливает необходимость уточнения критериев определения их субъектного и объектного состава. В связи с этим возрастает значение публично-правового регулирования, направленного на установление единых требований к формированию, использованию и защите цифровых профилей поведения, а также на обеспечение прозрачности процедур принятия решений в цифровой среде. Именно такой подход позволяет обеспечить баланс между развитием цифровых технологий и сохранением надлежащего уровня правовой защищенности личности.

Как отмечает В.Б. Наумов: «Представляется, что для обеспечения свободы волеизъявления человека и гражданина, реализации его прав и интересов в наиболее важных сферах и предметных областях цифровизации возможно принятие конституционных норм о предоставлении гражданам права отказаться от использования цифрового пространства и технологий с сохранением за ними традиционной системы прав и свобод человека и гражданина и гарантией возможности не пользоваться новыми технологиями в сферах, определенных законодательством» [Наумов, 2025, с.186].

Цифровая трансформация права и государственного управления, выступая их развивающей силой, является базисом для изменения общественных отношений, сопутствующих государственному управлению. Некоторыми исследователями утверждается, что цифровая трансформация в позитивном ключе способна привести человечество к таким изменениям [Шинкарецкая, 2023, с. 154; Шинкарецкая, Берман, 2020, с. 222]. По нашему мнению, это невозможно без четкого понимания того, насколько сильно изменятся публично-правовые пределы регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации

государственного управления.

Будет необходимо упомянуть, что в настоящее время в Российской Федерации реализуется стратегия развития информационного общества на 2017-2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Указ Президента РФ № 203, 2017] и развиваются принципы цифровизации национальной экономики, закрепленные в Распоряжении Правительства РФ № 1632-р от 28 июля 2017 г. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Распоряжение Правительства РФ № 1632-р, 2017].

В этой связи мы можем утверждать, что цифровая трансформация государственного управления является этапом развития механизма осуществления публичной власти, связанного с формированием единого цифрового пространства в котором будут реализовываться публичные функции государства. В таких условиях государственное управление осуществляется посредством государственных информационных систем, обеспечивающих информационное взаимодействие органов публичной власти, организаций и граждан при реализации публичных полномочий, предоставлении государственных услуг и принятии юридически значимых решений. Внедрение цифровых технологий в государственное управление изменяет не только его методы, но и механизм реализации публично-правовых отношений.

Согласно информационной философии Л. Флориди, современная субъектность приобретает форму «инфорга» – информационного агента, существующего на границах онлайна и офлайна» [Floridi, 2013, p. 7].

Под такой субъектностью мы склонны понимать ничто иное как субъекта общественной жизни (общественных отношений), т.е. физическое лицо. Однако, трансформация такой «субъектности» имеет не только философское, но и непосредственное публично-правовое значение. По мере цифровой трансформации государственного управления объектом нормативного воздействия становится уже не исключительно физическое лицо, а его цифровая репрезентация, посредством которой осуществляется юридически значимое волеизъявление.

В этой связи отметим, что несмотря на возникший тренд на размывание границы между цифровой репрезентацией субъекта общественных отношений и им самим, современное российское право продолжает разграничивать субъекта публично-правовых общественных отношений и его внешнее выражение в цифровой форме.

Как указывает В.Б. Наумов, «значение идентификации субъектов отношений в информационной сфере сложно подвергать сомнению. Однако в условиях электронного документооборота и нахождения субъектов на расстояниях друг от друга сложившиеся веками методы идентификации уже не подходят» [Наумов, 2016, с. 104].

Однако, основной парадокс заключается в том, что право квалифицирует ключевые компоненты цифрового субъекта как объекты (данные, цифровые права, программный код). В ГК РФ «цифровые права» признаются только как объекты гражданских прав (ст. 141.1), но не как субъекты.

Считаем важным процитировать здесь позицию группы авторов Поляковой Т.А., Минбалева А.В., Кротковой Н.В. – «С предпринимаемыми попытками найти цифровые эквиваленты всего, что имеется в мире, важно с позиции информационного права установить их правовую сущность, границы правового регулирования отношений, складывающихся в связи с новыми цифровыми явлениями» [Полякова, Минбалеев, Кроткова, 2021, с. 108].

Дуальная природа общественного отношения, т.е. его субъект и объект не адаптируются

вслед за цифровой трансформацией, при которой субъективность всё больше опосредуется инфраструктурой той или иной цифровой платформы. В результате физические лица как субъекты общественных отношений оказываются в парадоксальном положении: их воля регулируется, направляется и ограничивается теми самыми «объектами», которые формально не обладают ни правосубъектностью, ни ответственностью, но фактически являются некими квазирегуляторами. Это создаёт правовой вакуум, в котором субъективное поведение возможностями цифровой платформы, а юридическая ответственность за возможные последствия размывается между разработчиками, теми же платформами и пользователями цифровой инфраструктуры. Следствием этого становятся снижение прозрачности принятия юридически значимых решений, ограничение возможностей государственного контроля за решениями, принимаемыми с использованием цифровых технологий, а также возникновение рисков нарушения конституционных прав и свобод граждан, включая право на судебную защиту, защиту персональных данных и равный доступ к публичным услугам. В совокупности указанные обстоятельства обуславливают необходимость формирования специальных публично-правовых механизмов регулирования процессов принятия решений в цифровой среде, обеспечивающих их прозрачность, подотчетность и соответствие принципу законности.

Как фиксирует Т.А. Полякова: «В связи с развитием прорывных, конвергентных информационных технологий не только формируется, как отмечалось, широкий субъектный состав в информационной сфере и новые социальные отношения между ними, но и усиливается процесс институализации. Нередко такие правовые институты имеют междисциплинарный характер. К ним можно отнести институты персональных данных, идентификации, конфиденциальности, информационной инфраструктуры, ответственности в информационной сфере, доступа к информации и др. Представляется, что результаты исследований, направленных на изучение формирования в информационном праве новых институтов, несомненно, вносят вклад в развитие науки информационного права. Вместе с тем это оказывает влияние на модификацию общественных и политических институтов, меняется правовая ткань (поле), новое качество приобретают общественные отношения, их форма, структура, содержание (суть) [Полякова, 2020, с. 55].

Становится ясно, что именно объектная архитектура цифровой среды конструирует новую форму «поведенческой» субъектности, непосредственным внешним выражением которой выступает субъективное волеизъявление. Возникает онтологический сдвиг: субъект уже не воспринимается исключительно как носитель правосубъектности, а «собирается» из совокупности принадлежащих ему цифровых объектов т.е. персональных данных, цифровой идентичности, поведенческих паттернов, цифровых следов и иных информационных элементов. В результате такого сдвига субъективное волеизъявление отражается через устойчивый цифровой профиль поведения, позволяющий прогнозировать, интерпретировать и даже моделировать его будущие действия.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации, возникает объективная необходимость переосмысления публично-правовых пределов регулирования субъективного волеизъявления, поскольку государственное воздействие все чаще направлено не на самого субъекта как участника правоотношений, а на цифровую инфраструктуру формирования, выражения и реализации его юридически значимой воли. Именно данное обстоятельство требует пересмотра традиционного разграничения объекта и субъекта правового регулирования и выработки новой концепции публично-правовых пределов вмешательства государства в процессы цифрового формирования и реализации волеизъявления личности.

Как подчеркивает В.Б. Наумов: «В сфере цифровых технологий нужно отдавать себе отчет в том, что у человека и гражданина остается все меньше выбора того, в каких общественных отношениях он участвует» [Наумов, 2020, с. 4].

В условиях цифровизации общественных отношений субъективная воля претерпевает на себе существенное влияние, интегрируемое в процессы формирования и внешнего выражения воли. Если в публично-правовой доктрине автономия воли связывалась с возможностью субъекта самостоятельно определять содержание своего поведения в рамках установленного правопорядка, то в цифровой среде данная способность приобретает опосредованный характер, будучи встроенной в архитектуру цифровых платформ и алгоритмов.

Опосредованная цифровой платформой процедура принятия решений, изначально ограничивает вариативность поведения субъекта, предлагая заранее сконструированный набор допустимых действий. В этом смысле речь идет не столько об устранении автономии, сколько о ее институциональной переработке: свобода усмотрения трансформируется в возможность выбора шаблонных процессов (предзаданных сценариев) предусмотренных цифровой платформой. Соответственно, автономия воли приобретает процедурный характер, реализуясь через действия персоны-субъекта в полном соответствии с функционалом цифровой платформы.

Особое значение в данном контексте приобретает стадия предварительного взаимодействия субъекта с цифровой средой. Именно на этом этапе закладываются параметры допустимого поведения, включая согласие на обработку данных, правила участия в цифровых платформах. Таким образом, волеизъявление переносится с уровня конкретного действия на уровень принятия процедурных рамок, в пределах которых впоследствии осуществляется поведение. Это и является рамками воздействия цифровизации на субъектное волеизъявление. Указанные условия формируют новую цифровую среду, в которой автономия воли цифрового субъекта общественных отношений полностью не устраняется, но приобретает новые формы выражения и реализации.

Автор теории коллективной интенциональности М. Братман утверждает, что совместное действие требует особых обязательств «мы-интенции» и процедур согласования [Bratman, 2014, p. 17].

Иными словами, то, что в теории коллективной интенциональности описывается как условие возможности совместного действия, в публично-правовой плоскости воплощается в системе формальных требований к легитимности волеобразования государственных органов. Вместе с тем цифровая среда существенно модифицирует саму структуру этих процедур: электронное голосование, автоматизированные платформы общественного обсуждения и предиктивные модели принятия решений ставят под вопрос традиционные критерии осознанности, добровольности и подлинности субъектного волеизъявления в публичных правоотношениях. Для публично-правовой науки особый интерес представляет трансформация указанных процедур под влиянием цифровизации, поскольку именно они лежат в основе формирования и реализации коллективной воли в системе государственного управления. Существенное значение в условиях цифровой трансформации государственного управления приобретает изменение механизма формирования публичного волеизъявления. Если в классической модели публичного управления юридически значимая воля презюмировалась как результат реализации компетенции (властных полномочий) конкретного органа публичной власти, то цифровизация потенциально трансформирует данный процесс основываясь на реальной возможности одновременного участия множества субъектов.

Возможности цифровой платформы, таким образом, являются формой институционализации воли. К примеру, функциональные возможности государственной информационной платформы, фактически наряду с законом, институализируют волю субъекта информационных общественных отношений. Они задают рамки, внутри которых осуществляется поведение субъекта, приравнивая его волеизъявление к рамкам, которыми ранее было обеспечено только правомочие.

В этих условиях ключевое значение приобретает обеспечение баланса между эффективностью государственного управления и сохранением гарантий прав и свобод субъектов публичных общественных отношений.

Одним из возможных способов обеспечения такого баланса является приведение в соответствие рамок функциональных возможностей информационных государственных платформ и прав граждан, закрепленных законодательно. В этих условиях ключевое значение приобретает обеспечение баланса между эффективностью государственного управления и сохранением гарантий прав и свобод субъектов публичных общественных отношений, а также унификация законодательства и понятийного аппарата информационного права. Актуальность решения данной задачи существенно возрастает в условиях цифровой трансформации публичного управления, поскольку цифровые платформы становятся не только технологическим инструментом взаимодействия государства и общества, но и средой реализации публично-правовых полномочий и субъективных прав. Переход Российской Федерации к концепции цифрового государственного управления, ориентированной на осуществление государственных функций и предоставление государственных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий, лишь подтверждает необходимость дальнейших научных исследований в данной сфере.

По замечанию М.И. Паршукова: «Сложившаяся в практике регулирования информационных отношений система понятий имеет преимущественно фрагментарный, бессистемный характер» [Паршуков, 2025, с. 59].

Однако, в условиях цифровизации общественных отношений данные процессы приобретают публично-правовое значение, поскольку цифровые платформы начинают выполнять функции, свойственные только государственным институтам власти.

Продолжая рассуждение в данном ключе, мы приходим к выводу, о том, что фиксацию процедур коллективного волеизъявления, распределение ролей участников, определение объема их полномочий, а также контроль за исполнением установленных правил также фиксируется цифровой платформой. Тем самым цифровая платформа потенциально становится средой, в которой нормативное регулирование уравнивается по силе с нормативно-правовым регулированием, и которая оказывает влияние на порядок и способы реализации прав и обязанностей субъектов.

Информационная система, таким образом выступая в роли безальтернативной процедуры и квазинормативной средой, выполняет функции:

- не связанного с правом, но безальтернативного алгоритма действий;
- распределения ролей и прав;
- механизма исполнения и назначения санкций.

В условиях цифровой трансформации государственного управления качественно изменяется не только форма осуществления государственного управления, но и сама природа юридически значимого волеизъявления. Если традиционная модель публичного управления исходила из непосредственного выражения воли участника правоотношения посредством

личного обращения, подписания документа либо совершения иных юридически значимых действий, то цифровая среда формирует принципиально иной механизм возникновения, фиксации и реализации воли. В современных условиях государство взаимодействует преимущественно не с физическим лицом как таковым, а с его цифровой репрезентацией, существующей в государственных информационных системах.

В.Б. Наумов констатирует: «Действительно, с развитием современных технологий цифровая информация позволяет формировать цифровой профиль личности, который может аккумулировать данные с рождения человека, образуя т.н. «цифровой двойник», последовательно пополняемый новыми данными. При этом в ходе своей жизнедеятельности лицо будет использовать различные цифровые сервисы и получать услуги при использовании различных общедоступных государственных и негосударственных цифровых платформ. Кроме того, данные о гражданине могут собирать в ходе действия многочисленных систем видеонаблюдения, идентификации и использования разнообразных Интернет-ресурсов. Это все технически позволяет составить цифровой профиль личности» [Наумов, 2020, с. 140].

Именно поэтому предметом публично-правового регулирования становится уже не только результат волевого акта, но и цифровая инфраструктура, в рамках которой происходит формирование, удостоверение, передача и последующая интерпретация юридически значимого волеизъявления. Подобная трансформация существенно усиливает пределы допустимого государственного воздействия на субъективное волеизъявление. Если ранее законодательство фокусировалось преимущественно на наличии либо отсутствии свободно выраженной воли субъекта общественных отношений, то цифровая среда предполагает нормативное регулирование всего комплекса информационно-технических условий, определяющих возможность возникновения такого волеизъявления. К таким условиям, которые перестают выполнять исключительно техническую функцию, мы с уверенностью относим: Идентификация личности; способы аутентификации; архитектура государственных информационных систем; алгоритмы обработки обращений; программные механизмы принятия решений; цифровые средства предоставления государственных услуг. Они становятся самостоятельными юридически значимыми элементами волевого акта, оказывающими непосредственное влияние на содержание и юридические последствия совершаемых субъектом действий.

Мы согласимся с И.В. Выдриным и А.С. Морозовой, утверждающими, что, в современный период возникает необходимость создания эффективных юридических механизмов, направленных на урегулирование различных правоотношений [Морозова, Выдрин, 2017, с. 124].

Волеизъявление физического лица в публичных общественных отношениях, выраженное через функционал цифровых государственных платформ, представляет собой результат взаимодействия человека, государственных информационных систем и механизмов обработки информации. Государство не только верифицирует уже сформированную волю физического лица, но и определяет условия, при которых такая воля становится юридически значимой, допустимой для обработки информационной системой и как следствие способной породить предусмотренные законом правовые последствия. Т.е. нормативному воздействию подвергается не только итоговое волеизъявление, но и вся цифровая среда его возникновения.

Подобная постановка вопроса требует переосмысления традиционного понимания публично-правовых пределов государственного управления при помощи информационных платформ. Содержание нормативно-правового регулирования государственного управления не

может ограничиваться установлением процедур совершения юридически значимых действий либо определением компетенции органов публичной власти. В условиях цифровой трансформации пределы нормативного регулирования приобретают функциональный (внешне-выраженный) характер и распространяются на способы проектирования цифровой среды. Это связано с тем, что именно особенности архитектуры государственных информационных систем (информационных платформ) предопределяют допустимые варианты поведения участников публичных правоотношений. Интерфейс информационных платформ фактически устанавливает последовательность действий лица, исключает отдельные варианты реализации его усмотрения, определяет объем доступных правомочий и фиксирует юридически значимые обстоятельства в заранее предусмотренном оцифрованном формате.

Особую актуальность приобретает вопрос о пределах допустимой цифровой трансформации государственного управления. Использование цифровых технологий объективно способствует повышению его эффективности, которое выражается в сокращении административных процедур и их унификации. Вместе с тем расширение сферы применения цифровых технологий неизбежно сопровождается постепенным сокращением допустимых возможностей субъективного усмотрения как со стороны органов власти, так и со стороны участников публичных правоотношений. При таких условиях программный код начинает выполнять нормативно-регулятивную функцию, оставаясь при этом вне системы источников нормативно-правового регулирования. В результате юридически значимое волеизъявление начинает формироваться в заранее заданных рамках, определяемых архитектурой, к примеру, государственной информационной системы, а не исключительно внутренним волевым решением субъекта.

Именно в этом проявляется одно из ключевых противоречий современной цифровой трансформации государственного управления. Государство, стремясь обеспечить предсказуемость, автоматизацию и единообразие административно-властных процедур, одновременно приобретает возможность косвенного воздействия на процесс формирования субъективного волеизъявления посредством установления условий его реализации и по средствам цифровых технологий. Такое воздействие может не носить в себе характера прямого принуждения, однако способно существенно ограничивать вариативность поведения субъекта, определяя допустимые способы реализации принадлежащих ему публичных прав.

Следовательно, предметом публично-правового регулирования субъектного волеизъявления становится не только легитимность принятого административно-правового решения, но и допустимость самой модели формирования соответствующего волеизъявления в цифровой форме. Указанное обстоятельство позволяет сформулировать принципиально иной подход к определению публично-правовых пределов регулирования субъективного волеизъявления. Их содержание должно определяться не объемом государственного вмешательства в уже выраженную волю лица, а пределами допустимого воздействия государства на цифровые механизмы ее формирования, удостоверения, передачи и реализации. В противном случае существует риск подмены свободного волеобразования заранее запрограммированными моделями цифрового поведения, внешне сохраняющими признаки добровольности, но фактически обусловленными архитектурой государственных информационных систем. Т.е. публично-правовые пределы регулирования субъективного волеизъявления предлагается определять не через объем государственного воздействия на поведение субъекта, а через допустимые границы нормативного конструирования цифровой среды, внутри которой происходит формирование и реализация юридически значимого

волеизъявления. Как нам видится, перенос акцента с регулирования поведения на регулирование воздействия государства на цифровые механизмы формирования волеизъявления, отражает наличие необходимого вектора развития публичного права в этой части.

Это обуславливает необходимость установления публично-правовых требований к функционированию цифровых платформ, включая требования подотчетности операторов платформ, обеспечения контроля за автоматизированными решениями и защиты прав участников цифровой среды. В указанных условиях воля цифрового субъекта общественных отношений приобретает институциональный характер, поскольку формируется и реализуется в рамках процедур и правил, закрепленных цифровой платформой и обеспеченных механизмами контроля.

По мнению В.Б. Наумова: «Также, «по инерции» принимаются во внимание только достоинства и возможности организации удаленной идентификации лиц в информационном пространстве, но обходятся стороной технологический особенности решений, влияющих на природу правоотношений и игнорируются сформировавшиеся объективные угрозы. Это лишний раз подчеркивает необходимости признания института идентификации, что обеспечит единообразие правового регулирования» [Наумов, 2020, с. 139].

Изменение публично-правовых пределов регулирования субъективного волеизъявления в информационных общественных отношениях без прозрачной, предсказуемой и согласованной процедуры, при условии, если это технически возможно, представляет собой не просто обновление программного обеспечения, а нарушение преемственности права и идентичности. Субъект, чья автономия воли и действия были привязаны к конкретной версии правил, внезапно оказывается в новой нормативной реальности, с которой он не соглашался и которую не мог предвидеть.

Поддерживая позицию В.Б. Наумова по идентификации, считаем важным отметить здесь его позицию – «Правовое регулирование идентификации необходимо строить на основе системы специальных правовых принципов. Их содержание следует из анализа идентификации как информационного процесса, который детерминирован задачей получения достоверного результата, причем, достигнутого с соблюдением прав и интересов участвующих в идентификации лиц» [Наумов, 2020, с. 135].

Заключение

Мы приходим к выводу, что легитимность изменений публично-правовых пределов регулирования субъективного волеизъявления в информационных общественных отношениях должна обеспечиваться критериями правовой идентификации и узнаваемости.

В условиях цифровизации свойства цифровых платформ не должны подменять волеизъявление субъекта, ведь необходимо обеспечивать его формирование и реализацию в институционально упорядоченной форме. В этой связи представляется необходимым нормативное закрепление системы регулятивных принципов, направленных на согласование технологических процедур с требованиями публично-правового регулирования и гарантиями прав и свобод.

Цифровые механизмы не устраняют волеизъявление субъекта, однако существенно трансформируют условия его формирования и реализации в цифровой среде. В зависимости от архитектуры цифровой платформы они способны как обеспечивать прозрачность и

предсказуемость правового взаимодействия, так и ограничивать возможности самостоятельного принятия решений участниками общественных отношений.

Правовой статус субъекта информационных общественных отношений в условиях цифровой трансформации приобретает дуальную природу, участвуя в правоотношениях одновременно в физической и цифровой среде. Информационные платформы заранее закладывают предел допустимого субъективного волеизъявления. Таким образом, волеизъявление переносится с уровня конкретного действия на уровень принятия процедурных рамок, в пределах которых полнота правореализации зачастую ограничена. Это обуславливает необходимость разработки правовых механизмов обеспечения и фиксации публично-правового статуса информационных общественных отношений, возникающих в цифровой среде, непосредственно в сфере действия публичного права.

Во многих случаях получение доступа к цифровым сервисам оказывается обусловлено предоставлением гражданином своих персональных данных, вследствие чего отказ от их передачи фактически исключает возможность использования соответствующих информационных ресурсов. Подобная практика свидетельствует о необходимости формирования более эффективных публично-правовых механизмов, обеспечивающих баланс между развитием цифровых технологий и защитой прав личности.

В этих условиях ключевой задачей публично-правового регулирования становится создание правовых гарантий, обеспечивающих прозрачность и подотчетность операторов цифровых платформ и защиту прав участников цифрового взаимодействия. Особое значение приобретает способность права определять пределы допустимого воздействия цифровой трансформации на процессы субъективного волеизъявления в сфере государственного управления.

Библиография

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
2. Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017 г. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/28653> (дата обращения: 12.07.2026).
3. Морозова А. С., Выдрин И.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении единства судебной практики // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 123-131.
4. Наумов В.Б. Институализация идентификации в информационном праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 136-142.
5. Наумов В.Б. Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). С. 137-141.
6. Наумов В.Б. Научные подходы к классификации видов правовой идентификации в информационных правоотношениях // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3. С. 104-115.
7. Наумов В.Б. Перспективные направления развития института идентификации // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 132-137.
8. Наумов В.Б. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Мировоззренческие аспекты информационной безопасности в условиях цивилизационных противоречий: Монография. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. С. 182-194.
9. Наумов В.Б. Теоретические информационно-правовые вопросы идентификации в цифровой сфере // Информационное право. 2020. № 4. С. 4-8.
10. Паршуков М.И. Понятийный аппарат информационного права в судебной и административной практике контрольно-надзорных органов // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. № 4 (53). С. 57-68.
11. Полякова Т.А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 53-58.
12. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях

- цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75-87.
13. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97-108.
14. Рыжов В.Б. Информационная безопасность в государствах Европейского союза: к постановке проблемы // Представительная власть – XXI век. 2018. № 4. С. 8-12.
15. Шинкарецкая Г.Г. Роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обеспечении устойчивого развития человеческого общества // Право и управление. 2023. № 9. С. 152-158.
16. Шинкарецкая Г.Г., Берман А.М. Цифровизация государственного управления (сравнительно-правовой анализ) // Образование и право. 2020. № 8. С. 216-223.
17. Bratman M. Shared Agency: A Planning Theory of Acting Together. Oxford: Oxford University Press, 2014. 219 p.
18. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. xix, 357 p.

Public-Law Limits of Regulating Subjective Expression of Will in the Context of the Digital Transformation of Public Administration

Lev A. Korbati

Postgraduate Student,
Information Law Sector of the Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences,
119019, 10, Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nicegoodfela@gmail.com

Abstract

The article examines the change in the subjective expression of will of the subject of information social relations in the context of the digital transformation of the public administration system of the Russian Federation. Digitalization, acting as a universal phenomenon, and therefore being an indisputable factor of change in modern society, has a significant impact, among other things, on law, including a rethinking of the categories of subjectivity and legal behavior. The study is largely theoretical and methodological in nature and is based on the analysis of fundamental works in the field of general theory of law, administrative law, and information law. For the development and updating of work on digital transformation as the basis of information law, general scientific methods (induction and deduction, analysis and synthesis, analogy, concretization, generalization, problem statement and its solution taking into account scientific facts) and dialectical methods of cognition were applied. Within the framework of this study, particular scientific methods of scientific cognition of social-legal phenomena and processes were also used (the formal-legal method, the philosophical-legal method, the method of interpretation of legal norms, the comparative-legal method, the technical-legal method). An analysis of normative legal acts in the sphere under study was also carried out. The significance of further work on the public-law limits of regulating subjective expression of will in the context of the digital transformation of public administration is seen as substantial, including because the innovations that digital transformation introduces into this topic have so far been insufficiently studied. It is proposed to determine the public-law limits of regulation not through the volume of state influence on the subject's behavior, but through the permissible boundaries of the normative construction of the digital environment, within which the formation and implementation of legally significant expression of will takes place.

The conducted research confirms the necessity of improving public-law regulation of subjective expression of will in the context of digital transformation, aimed at increasing the effectiveness of law enforcement activity in the sphere under study.

For citation

Korbat L.A. (2026) Publichno-pravovye predely regulirovaniya sub"ektivno go voleiz'yavleniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii gosudarstvennogo upravleniya [Public-Law Limits of Regulating Subjective Expression of Will in the Context of the Digital Transformation of Public Administration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 268-281. DOI: 10.34670/AR.2026.79.39.030

Keywords

Digital transformation, public-law regulation, state information systems, expression of will, digital platforms.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 maya 2017 g. No. 203 "Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody" [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of 9 May 2017 "Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"]. (2017). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 15.05.2017, No. 20, Art. 2901.
2. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF No. 1632-r ot 28.07.2017 g. "Ob utverzhdenii programmy 'Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii'" [Order of the Government of the Russian Federation No. 1632-r of 28.07.2017 "On Approval of the Programme 'Digital Economy of the Russian Federation'"]. (2017). *Pravitel'stvo Rossii*. Available at: <http://government.ru/docs/28653> (accessed: 12.07.2026).
3. Morozova A.S., Vydrin I.V. (2017). Pravovyye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v obespechenii yedinstva sudebnoy praktiki [Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in Ensuring the Unity of Judicial Practice]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2(48), 123-131.
4. Naumov V.B. (2020). Institucionalizatsiya identifikatsii v informatsionnom prave [Institutionalisation of Identification in Information Law]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 8(188), 136-142.
5. Naumov V.B. (2020). Informatsionno-pravovyye voprosy identifikatsii pri ispol'zovanii tsifrovogo profilya [Information-Legal Issues of Identification in the Use of a Digital Profile]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo*, 6(186), 137-141.
6. Naumov V.B. (2016). Nauchnyye podkhody k klassifikatsii vidov pravovoy identifikatsii v informatsionnykh pravootnosheniyakh [Scientific Approaches to the Classification of Types of Legal Identification in Information Legal Relations]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 3, 104-115.
7. Naumov V.B. (2020). Perspektivnyye napravleniya razvitiya instituta identifikatsii [Promising Directions for the Development of the Institute of Identification]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 9(189), 132-137.
8. Naumov V.B. (2025). Pravo na otkaz ot tsifrovyykh tekhnologiy v sfere iskusstvennogo intellekta [The Right to Refuse Digital Technologies in the Sphere of Artificial Intelligence]. In *Mirovozzrencheskiye aspekty informatsionnoy bezopasnosti v usloviyakh tsivilizatsionnykh protivorechiy: Monografiya* [Worldview Aspects of Information Security in the Context of Civilisational Contradictions: Monograph] (pp. 182-194). Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet im. V.F. Yakovleva.
9. Naumov V.B. (2020). Teoreticheskiye informatsionno-pravovyye voprosy identifikatsii v tsifrovoy sfere [Theoretical Information-Legal Issues of Identification in the Digital Sphere]. *Informatsionnoye pravo*, 4, 4-8.
10. Parshukov M.I. (2025). Ponyatiynyy apparat informatsionnogo prava v sudebnoy i administrativnoy praktike kontrol'no-nadzornykh organov [Conceptual Apparatus of Information Law in Judicial and Administrative Practice of Control and Supervisory Bodies]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye*, 4(53), 57-68.
11. Polyakova T.A. (2020). Vliyaniye tsifrovoy transformatsii na razvitiye informatsionnogo prava: tendentsii, problemy, perspektivy [The Impact of Digital Transformation on the Development of Information Law: Trends, Problems, Prospects]. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2(35), 53-58.
12. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. (2020). Novyye vektory razvitiya informatsionnogo prava v usloviyakh tsivilizatsionnogo krizisa i tsifrovoy transformatsii [New Vectors of Information Law Development in the Context of Civilisational Crisis and Digital Transformation]. *Gosudarstvo i pravo*, 5, 75-87.
13. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. (2021). Razvitiye nauki informatsionnogo prava i pravovogo

- obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti: formirovaniye nauchnoy shkoly informatsionnogo prava (proshloye i budushcheye) [Development of the Science of Information Law and Legal Support of Information Security: Formation of the Scientific School of Information Law (Past and Future)]. *Gosudarstvo i pravo*, 12, 97-108.
14. Ryzhov V.B. (2018). Informatsionnaya bezopasnost' v gosudarstvakh Yevropeyskogo soyuza: k postanovke problemy [Information Security in the States of the European Union: Towards a Statement of the Problem]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek*, 4, 8-12.
15. Shinkaretskaya G.G. (2023). Rol' informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy (IKT) v obespechenii ustoychivogo razvitiya chelovecheskogo obshchestva [The Role of Information and Communication Technologies (ICT) in Ensuring Sustainable Development of Human Society]. *Pravo i upravleniye*, 9, 152-158.
16. Shinkaretskaya G.G., Berman A.M. (2020). Tsifrovizatsiya gosudarstvennogo upravleniya (sravnitel'no-pravovoy analiz) [Digitalisation of Public Administration (Comparative Legal Analysis)]. *Obrazovaniye i pravo*, 8, 216-223.
17. Bratman M. (2014). *Shared Agency: A Planning Theory of Acting Together*. Oxford University Press.
18. Floridi L. (2013). *The Ethics of Information*. Oxford University Press.